

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

Н. З. Гаджиева

*Кандидат филологических наук,
Исламский университет «Азад»,
сев. отделение,
г. Тегеран, Иран*

LANGUAGE FEATURES WORKS BY ANTON CHEKHOV

N. Z. Gadzhieva

*Candidate of Philological Sciences,
Islamic University «Azad»,
Tehran north branch,
Tehran, Iran*

Summary. In Chekhov linguistics and stylistics analyzes the characteristics of certain works of the author, vocabulary and grammar, syntax and style in general, with all researchers noted the practice of using the original writer of various linguistic means, which gives us the right to examine the specific language material taking into account the peculiarities of the language person A. P. Chekhov.

Keywords: Chekhov language; works; literature.

Творчество А. П. Чехова занимает совершенно особое место в истории мировой художественной литературы. Это обусловлено как особенностями его художественного стиля, мастерства, содержанием, тематикой и проблематикой его произведений, так и особенностями его языка. Считается, что именно Чехов впервые в мировой литературе смог с огромной убедительностью показать трагизм обыденности, безысходность повседневности. Всё то, что впоследствии стало чуть ли не главной темой XX столетия, впервые было обозначено в творчестве великого русского писателя. Как отмечают исследователи, «творчество А. П. Чехова занимает одно из важных мест в истории русской литературы XIX века. Оно ознаменовало собой переходный период, когда в общественно-политической и идейно-философской жизни страны, а также в историко-литературном процессе происходили коренные изменения. Русская литература, как и русская история, жила накануне новой эпохи и была занята поисками новых идей и форм, нового способа осмысления происходящих в жизни процессов. В этот период одной из важных задач литературы становятся поиски новой личности, точное переосмысление миссии и задач передовой личности эпохи. В этом отноше-

нии принципиально важное значение имеет проблема личности в творчестве А. П. Чехова» [4, с. 4].

Чехов широко использовал в своих произведениях лексико-семантические и грамматические возможности русского языка. Например, «одним из приёмов, используемых А. П. Чеховым, является приём контраста, требующий определённого подбора лексических средств» [1, с. 143].

Великолепное знание лексических и семантических средств русского языка, способность дифференцировать тончайшие оттенки значений позволяют писателю создавать удивительные образцы художественного контраста. При этом он не говорит прямо, а создаёт образ, вводя, например, в общий положительный семантический поток некоторые семы, обладающие отрицательной коннотацией, и за счёт этого трансформирует образ, делает его неоднозначным. Так, Е. Б. Гришанина отмечает, что в рассказе «Ведьма» «уже намеченному образу дьячка Гыкина противопоставляется образ его жены дьячихи Раисы Ниловны. Лампочка «лила жиденький, мелькающий свет на её широкие плечи, красивые, аппетитные рельефы тела, толстую косу, которая касалась земли». Портретная характеристика героини продолжается,

и создаётся образ женщины, находящейся в самом расцвете сил, здоровой, красивой и ловкой. И только эпитет жирные, характеризующий губы, вызывает несколько двойственное ощущение в восприятии её облика (сравните не полные, не пухлые, не налитые, а именно жирные – употреблено слово с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской). Как и портрет дьячка, портрет Раисы Ниловны не даётся нам как самоцель. Портретные детали называются как бы между прочим, в системе других деталей» [1, с. 143].

Важное место в языке писателя занимает оригинальность динамики его текста. Это обусловлено множеством разнообразных фактов. Например, «интересной особенностью творческой работы Чехова являются художественные рефрены или повторы отдельных компонентов содержания или формы произведений. Это своеобразные «внутренние займы» в творчестве писателя; кстати сказать, подобные «займы» встречаются и в творческой практике мастеров смежных искусств: так, в произведениях Чайковского можно найти повторения отдельных мелодий, часто в несколько модифицированном виде» [2, с. 74].

Чехов очень любил музыку и, как отмечают исследователи его творчества, сам язык его произведений отличался музыкальностью. Музыкальность произведений Чехова достигается, разумеется, языковыми средствами. Он как бы наполняет текст звуками, для этого используются им особые языковые средства и их комбинаторика. Решающую роль играет здесь и ассонанс. Однако на первом месте стоит использование семантических средств языка, великолепное обыгрывание семных различий, обуславливающих ценность языковых знаков в составе лексико-семантических парадигм. Например, «в чеховском степном пейзаже много звуков. Чехов любил слушать степь и умел улавливать в «стрекотании степной музыки» отдельные звуки и мелодии: «Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую, монотонную музыку», «Едва зайдёт солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью. Как будто от того, что

траве не видно в потёмках своей старости, в ней поднимается весёлая, молодая трескотня, какой не бывает днём: треск, подсвистывание, царапанье, степные басы, тенора и дисканты – всё мешается в непрерывный монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить». Чехов, заполнивший свой степной пейзаж музыкальной стихией, даже отдельные явления степной жизни, не имеющие никакого отношения к этой стихии, сравнивает с музыкой [2, с. 75].

Как справедливо отмечает М. К. Милых, «изучать язык писателя – значит выявить речевые средства, которыми он выражает идейное содержание художественного произведения и эмоционально воздействует на читателя. Понятие языка писателя охватывает не только используемую им лексику, фразеологию, художественно-изобразительные средства, синтаксические конструкции, но и соотношения языковых компонентов произведения, приёмы изображения действующих лиц, окружающей их обстановки и событий, в которых они участвуют; языковые приёмы выражения основных мыслей автора, определяющих идейную направленность его творчества; приёмы логического и эмоционального воздействия на читателя» [5, с. 185].

М. К. Милых выделяет только пять характерных для языка Чехова свойств. Это сопоставление, переход от глубоко личного к общему, и наоборот, от обобщения к частному, использование слов-синонимов, использование форм чужой речи, а также сравнение. Например, автор анализирует структуру чеховских сравнений и их место в пространстве художественного текста: «В произведениях юмористических или сатирических они имеют гиперболический оттенок. ... Также оригинальны чеховские метафоры, в частности, те, в которых природа отождествляется с людьми: как во всём другом, сложность языка А. П. Чехова заключается в переплетении образных средств» [3, с. 192–193].

Частные вопросы языка чеховских произведений также становятся предметом специального анализа исследователей. Так, вокативу у Чехова посвящена статья В. В. Химики, который отмечает, что «экспрессивная функция языка – одна из наиболее любопытных

и загадочных сторон поэтики А. П. Чехова, повествователя и драматурга. И, как это уже не раз отмечалось, сила чеховской прозы не столько во внешних проявлениях языка, сколько в его внутренней специфике, в соотношении смыслов, тональностей и полутонов, выражаемых исключительно узуальными, кодифицированными средствами [5, с. 146–147].

Анализ, проведённый учёным, позволил выявить функциональную нагрузку вокатива, на первый взгляд, совершенно незаметную. Это свидетельствует о том, что в тексте большого писателя нет ничего лишнего, функционально ненагруженного: «К таким экспрессивным средствам языка, обусловленным конкретными задачами сюжета и идеи, отнесём и стилистическую фигуру вокатива – риторические обращения к персонифицированным предметам и явлениям (типа «О, мой сад!», «Мой шкаф!»). Повторяющиеся и в большинстве своём развёрнутые и обширные, эти обращения являются своеобразными лирическими вставками, характеризующими момент наивысшего подъёма, напряжения душевных сил, особой концентрации» [5, с. 146–147]. Автор отмечает, что риторические обращения с персонификацией представляют собой наложение, соединение синтаксической фигуры (обращения) и тропа (олицетворение). По мнению автора, этот двойной и лингвистически разноуровневый приём оказывается предельно экспрессивным и эффективным по многим причинам: и как результат внутренних возможностей самого средства (двойного, разноуровневого), и как результат его применения в контексте бытовой, будничной ситуации. Писатель пользуется этим средством редко, экономно. Вокатив выполняет в социально-психологических драмах Чехова эпизодические задачи, отмечая моменты исключительной экзальтации персонажей.

Язык Чехова крайне экспрессивен по характеру используемых языковых средств, а также по способу их использования. Понятно, что если сами языковые средства и их использование в художественной речи носит узуальный характер, то комбинаторика узуальных средств в художественном тексте но-

сит окказиональный характер, так как именно в области комбинаторики языковых средств проявляется авторское своеобразие, индивидуальное мастерство в области использования языковых средств.

Экспрессия как особенность языкового материала в целом служит художественно-коммуникативным целям и не является самоцелью. Именно экспрессия в каждом отдельном фрагменте художественного текста и в целом тексте произведения позволяет автору произведения добиться исключительно высокой степени эффективности использования. Писателю удаётся добиться максимального художественно-коммуникативного эффекта при донесении до адресата художественного текста неязыкового содержания. Это с особой силой проявляется во всех чеховских произведениях, ставя перед переводчиком задачу исключительной важности и сложности: суметь конструировать адекватный по силе экспрессивной насыщенности переводный текст.

Творчеству А. П. Чехова, языку его произведений, стилю, особенностям использования языковых средств, индивидуально-авторским неологизмам посвящено огромное количество научных трудов как на русском языке, так и на других языках. Разумеется, преобладают среди них труды литературоведческого характера. Однако, как мы сумели убедиться, во всех литературоведческих работах о Чехове авторы никак не могут обойти стороной вопрос об особенностях языка писателя. И действительно, анализ языковых особенностей чеховских произведений ещё раз убедительно доказывает, что вне языка нет писателя вообще. Поэтому в любом случае очень проблематично озвучивание большого писателя на другом языке. Поэтому и называют больших писателей великими мастерами слова. Но ведь всегда при использовании этого почётного имени предполагается конкретное слово, а не абстрактное. Например, Фирдоуси – это великий мастер персидского слова, а не слова вообще. Пушкин – мастер русского слова. Очень большая проблема создать Фирдоуси или воспроизвести его на русском языке, потому что Фирдоуси – это сама стихия персидского

языка. Так же обстоит дело и с Чеховым. В текстах, созданных этим великим мастером русского слова, представлена сама стихия великого русского языка во всех его возможностях, во всех его тончайших оттенках. Отсюда следует, что передать стихию русского слова на другом языке просто невозможно, так как на другом языке в лучшем случае будет представлена стихия этого другого слова. Но всё же, как нам представляется, перевод – это очень благодарный труд, так как переводчик выполняет святую миссию по сближению культур, народов и языков.

Если тот или иной писатель начинает переводиться на определённый язык, то со временем формируется своеобразная тенденция его переводов. Создаются штампы на этом языке, герои писателя начинают как бы вторую жизнь. Поэтому и ошибки, связанные с переводами, также начинают носить тенденциозный штамповый характер. В этом случае анализ нескольких произведений писателя на языке перевода даёт возможность составить представление в целом о существующей традиции перевода и распространённых ошибках.

Мы избрали для анализа два, возможно, самых знаменитых произведения русского писателя и проанализировали их с точки зрения семантико-структурной и культурологической трансформации. Это «Смерть чиновника» и «Каштанка». Эти произведения наиболее характерны и с точки зрения чеховского стиля, и с точки зрения народного языка и авторского юмора. Они в высшей степени характерны и в плане отражения культурной среды. Что же касается персидских переводов, то соответствующие тексты на персидском языке демонстрируют тра-

диционные ошибки, связанные с трансформацией чеховского стиля, ломкой динамики его прозы, а также семантико-структурной ущербностью.

Библиографический список

1. Гришанина Е. Б. Об особенностях языка А. П. Чехова в рассказе «Ведьма» // Межвузовский сборник научных трудов «Творчество А. П. Чехова. Особенности художественного метода». – Ростов-на-Дону, 1981.
2. Громов Л. П. В творческой лаборатории А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1963.
3. Милых М. К. Некоторые особенности языка и творческой манеры Чехова // А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. – Ростов-на-Дону, 1960.
4. Набиев Н. Г. Человек в мире А. П. Чехова. – М.: МАКС ПРЕСС, 2001.
5. Химик В. В. О стилистической фигуре вокатива в драматургии А. П. Чехова и её синтаксических воплощениях. В кн.: Художественный метод А. П. Чехова // Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 1982.

References

1. Grishanina E. B. Ob osobennostjakh jazyka A. P. Chehova v rasskaze «Vedma» // Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov «Tvorchestvo A. P. Chehova. Osobennosti hudozhestvennogo metoda». – Rostov-na-Donu, 1981.
2. Gromov L. P. V tvorcheskoj laboratorii A. P. Chehova. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1963.
3. Milyh M. K. Nekotorye osobennosti jazyka i tvorcheskoj manery Chehova // A. P. Chehov. Sbornik statej i materialov. – Rostov-na-Donu, 1960.
4. Nabiev N. G. Chelovek v mire A. P. Chehova. – M.: MAKS PRESS, 2001.
5. Himik V. V. O stilisticheskoj figure vokativa v dramaturgii A. P. Chehova i ejo sintaksicheskikh voploshhenijah. V kn.: Hudozhestvennyj metod A. P. Chehova // Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov. – Rostov-na-Donu, 1982.

© Гаджиева Н. З., 2014